
СОЦИАЛЬНАЯ САМОИДЕНТИФИКАЦИЯ ВОСТОКА И ЗАПАДА КАК ОСНОВАНИЕ ИНТЕРРЕГИОНАЛЬНОЙ ИНТЕГРАЦИИ

О.В. Андреева, В.И. Юртаев

Российский университет дружбы народов

Статья посвящена проблеме формирования Мира глобализации, особенностям современного процесса международной интеграции в рамках монополярного и полицентричного проектов глобализации, выявлению их базовых характеристик по основаниям: «парадигма социокода – тип власти – тип хозяйствования», проблеме синтеза политики и экономики.

Ключевые слова: социокод, парадигмы «Я-Я» и «Я-МЫ», Мир глобализации, лидерство цивилизаций, тип власти и хозяйствования, синтез, интеррегиональная интеграция.

В третье тысячелетие своей истории Запад вошел в качестве мирового лидера и, казалось, оставалось только формализовать факт достижения всемирного господства. Но историческое время Мира Модерна, а значит, и парадигмы Я-Я истекло. В ситуации глобального транзита актуализировалась интенция всеобщего участия в гуманизации мира: мы сильны, когда мы вместе. Весь мир ищет ответы на вызовы глобализации и новый путь развития для всего человечества. Доминантой поисков глобального сообщества не случайно становится область духовного производства и глобальное сознание, поскольку в Море глобализации «стратегическим ресурсом развития цивилизации выступает креативная способность человека» (А.И. Неклесса).

Отсюда значимость концептуального осмысления, то есть выбор парадигмы развития и повышенное внимание мирового сообщества к разработке глобальных проектов. Ведь решение глобальных проблем человечества требует объединения усилий и воли многих, в идеале – всех государств и правительств, создания условий для перехода земной цивилизации в новое качество через изменение присутствия человека в его среде обитания (бытия). Человек становится главным двигателем, объектом и ресурсом глобализации, и входящее в эпоху глобализации человечество в очередной раз должно определить его место в создаваемом мировом хозяйстве.

В основание определения парадигмы социокода положена интровертность или экстравертность, проявляемая человеком при выборе механизма решения тех или иных задач. Для Запада – экстравертность личности и жесткое отторжение (вплоть до сокрушения) внешнего по отношению к системе воздействия. Для Востока – интровертность личности и упругая ассимиляция (до аннигиляции) внешнего воздействия. Следствием всеобщей смены доминирующей парадигмы социокода становится вхождение мира в новую историческую эпоху, при этом отношения системной взаимозависи-

мости возникают по линии «доминирующая парадигма социокода – тип власти – доминирующий тип хозяйствования».

Согласно нашей концепции западные цивилизации последовательно прошли сквозь исторические эпохи Античности (Я-Я), Средневековья (Я-МЫ), Модерна (Я-Я). В то же время восточные цивилизации, куда мы расширительно включаем все страны БРИКС, самореализуются через парадигму Я-МЫ [13]. Примечательно, что две парадигмы последовательно менялись местами, что позволяет говорить как о возможности использования данного критерия для выделения исторических эпох, так и сделать вывод о циклическом характере смены доминирующей парадигмы социокода. В определенные моменты истории обе эти парадигмы могут находиться в состоянии динамичного равновесия, составляя бинарную оппозицию, что проявляется в социальном измерении человеческого бытия – политике, экономике, культуре.

В современном транзитном мире примат либо политики, либо экономики в сфере государственного устройства приобрел значение методологического принципа, определяющего тип власти – авторитарной и демократической соответственно. Принято первый тип власти (авторитарный, иерархический) соотносить с традиционным обществом, со странами Востока. Второй тип власти (демократический, иерархический) соотносится со странами Запада.

Тип власти задает матрицу соподчинения «политики» и «экономики» как движителей хозяйственного развития и определяет специфику внешней политики государства. Как правило, в условиях авторитарной власти приоритет в вопросах хозяйствования и участия в мировой политике отдается политике над экономикой. В демократическом обществе экономика ведет за собой политику, в том числе определяя национальные интересы стран на мировой арене.

В начале XXI века ведущим глобальным мегатрендом развития и интеграции человечества является глобализация. Переход к Миру глобализации (МГ; G-World – Globalizing World) реализуется в ситуации конкуренции двух основных проектов глобализации¹ – монополярного мира, который продвигается Западом во главе с США, и многополярного (полицентричного) мира, за который выступили, прежде всего, страны БРИКС². Результатом

¹ Феномен «глобализация» может быть осмыслен и одновременно реализуется в трех измерениях: как объективный исторический процесс, как идея и как проект. С учетом вышесказанного: «Глобализация – это объективный процесс перехода человеческого сообщества в новое общемировое качество в результате совместной реализации планетарных проектов» [подр. см.: 1–2; 3. С. 7–8].

² Объединение БРИКС (BRICS) возникло 18 февраля 2011 года (к группе БРИК, созданной в 2009 году – Бразилия, Россия, Индия, Китай – присоединилась Южно-Африканская Республика). Тем самым впервые возникла межрегиональная союзная группа «больших экономик» с потенциалом открытого «терминала» («Gate») в Африку, Азию, Европу и Латинскую Америку. Впервые аббревиатура БРИК была предложена аналитиками банка «Голдман-Сакс» в ноябре 2001 г.

этой новой глобальной бинарной оппозиции все заметнее становится конкуренция действующей центр-периферийной модели мировой экономической системы с возникающими новыми центрами мировой экономической мощи в Евразии.

Проект монополярной глобализации, который может быть определен и как проект «Глобальная Америка» (“Global America”, GA), реализуется в интересах сложившейся мирохозяйственной системы, когда экономика ведет за собой политику. Именно в этой логике, прежде всего, набирал силу процесс регионализации, включая все новые территории, независимо от типов политических режимов: последовательно расширялись Европейский союз (ЕС), Азиатско-Тихоокеанское экономическое сотрудничество (АТЭС), Северо-Атлантический альянс (НАТО) и др. Параллельно после 2001 г. актуализировался процесс геополитизации международных отношений на евразийском пространстве, особенно после вхождения США в Афганистан (2001) и в Ирак (2003).

В азиатской части Евразии процесс регионализации как первой фазы глобализации на рубеже тысячелетий проявился в изменении конфигурации пространства Содружества Независимых Государств (СНГ), возникновении региональной организации глобального типа в лице Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), усложнении формата взаимодействия в рамках Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН), создании Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и др. Параллельно наблюдалась актуализация процесса евразийской геоэкономической интеграции в формате предложений КНР по воссозданию «Великого Шелкового пути». В логике многополярного проекта принадлежность к той или иной региональной организации в Евразии понималась все больше не только и не столько как интернационализация связей, но как создание глобальной целостности, каждый элемент которой превращается в орган мирового организма. Политика играла ведущую роль в паре «политика-экономика».

Различные интеграционные процессы сопровождается феномен международного терроризма, что также свидетельствует о разности подходов к цивилизационному социокodu. Распространение терроризма в течение последних веков как рукотворного действия (когда терроризм применялся в целях демонстрации протеста, революционного насилия либо как политический акт) привело к небывалому масштабу этого явления. Терроризм сегодня угрожает самим основам существования земной цивилизации. Возможно ли бороться против терроризма как общемирового явления, угрожающего всему человечеству? Первая часть ответа понятна: терроризму может противостоять объединившееся мировое сообщество, которое договорится о том, какие действия квалифицируются как террористические и каково юридическое поле решения вопроса. Но главное – объединение мирового сообщества на пути мироустройства будущего как ненасильственной цивилизации. Великий духовный и политический лидер Индии Махатма Ганди считал, что в основу всей земной цивилизации должен быть положен всеобъем-

лющий принцип ненасилия. Народ Индии успешно применил сатьяграху, то есть ненасильственный метод борьбы за свою национальную независимость. Аналогичный метод используется духовными лидерами буддистов – далай-ламами Тибета. И еще один важный аспект. Это вхождение законов религиозной нравственности в государственную политику.

Всякое политическое действие должно быть нравственным, следовательно, религиозно оправданным. Позвольте вспомнить основные нравственные законы в религиях. В буддизме это «неделание зла, достижение добра, очищение своего ума» [4]. В христианстве – «возлюби Господа Бога твоим всем сердцем твоим, и всею душою твоею и всем разумением твоим. Возлюби ближнего твоего, как самого себя» [5]. В мусульманстве – «нет божества, кроме Аллаха, и Мухаммад – посланник Аллаха». Закон любви к Богу и к человеку как Его проявлению на уровне Земного бытия – главная религиозная заповедь и норма индивидуального и общественного поведения. На наш взгляд, пришло время распространить действие закона любви на международные отношения, придав им общечеловеческий характер.

В начале второй декады XXI века мир вступил в завершающий период переходного этапа, глобальная неопределенность, проявленная в двух проектах глобализации и сопровождающем их международном терроризме, сменилась доминированием проекта многополярности. Выражением этого стало появление нового интеграционного формата, который может быть определен как интеррегиональная интеграция. В 2009–2011 гг. евразийские лидеры (Россия, Индия, Китай) вместе с Бразилией (Латинская Америка) и ЮАР (Африка) сформировали объединение БРИКС. Суть БРИКС как своего рода «негативного консенсуса» (Р. Бауманн) заключается в коллективном отторжении монополярного мира. Как отмечали российские ученые, крупные страны периферии и полупериферии «оказались неготовыми к слишком сильной зависимости от ядра (too big to depend) – и политически, и экономически. Ядро же не обнаружило достаточных интеграционных возможностей, возможно, не случайно повернувшись к насилию (Югославия, 1999)» [6. С. 13]. Таким образом, к 2016 году процессы интеграции национальных информационных, экономических и транспортных деятельностных пространств, где согласие достигается в результате выработки единой парадигмы развития на базе консенсуса идей, вышли за пределы собственно Евразии.

На современном этапе БРИКС представляет собой не имеющую аналогов в истории модель международной интеррегиональной интеграции, в основание которой положен принцип равноправного диалога цивилизаций во имя более справедливого и гармоничного мира (подр. см.: 12. С. 24).

Создание БРИКС, прежде всего, стало ответом на недостаточность традиционных для XX века экономических и геополитических обоснований и мотиваций при определении приоритетов развития человечества. И дело даже не только в зримой разбалансированности мировой экономики и политики в начале XXI века. И не столько в растущей экономической мощи гос-

ударств – участников объединения БРИКС, ставшей естественным результатом их многолетнего мирного национально-ориентированного развития. Видимо, пришло время проявления новых измерений развития человеческой цивилизации и появления новых ведущих драйверов глобальных изменений.

В целом за годы своего существования БРИКС превратился в своеобразный клуб стратегических партнеров: «БРИКС – это альянс реформаторов в международных отношениях», стратегической целью усилий всех партнеров по БРИКС является «поэтапное превращение БРИКС в механизм координации действий как по стратегическим вопросам, так и по текущим вопросам мировой политики и экономики. На этой основе станет возможным превращение БРИКС в реально действующий элемент системы глобального управления» [7]. Эта цель была согласована на Дурбанском саммите 2013 года.

В ходе Саммита БРИКС в Уфе (Россия, 2015) лидеры стран-участниц утвердили Стратегию экономического партнерства БРИКС. В Преамбуле было заявлено, что на встречах на высшем уровне в Санья (2011), Дели (2012), Дурбане (2013) и Форталезе (2014) «лидеры БРИКС договорились о создании партнерства в интересах повышения стабильности, активизации роста и развития» [8]. В феврале 2014 г. была принята Кейптаунская декларация, закрепившая ответственность каждой из стран БРИКС по направлениям: «Бразилия – за смягчение изменения климата и последствий природных катастроф; Россия – за противодействие загрязнению окружающей среды и лучшее использование водных ресурсов, Индия – за разработку и применение геопространственных технологий; Китай – за развитие новой и основанной на возобновляемых источниках энергетики; ЮАР – за астрономию» (ст. 8) [9]. Следствием реализации Кейптаунской декларации должно стать более тесное экономическое партнерство в целях содействия восстановлению глобальной экономики, снижения потенциальных рисков на международных финансовых рынках (Новый банк развития) и активизации экономического роста в странах-участницах.

Важным итогом дискуссий 2014–2015 годов стало признание того, что визитной карточкой образовательного пространства стран – участниц БРИКС должны стать университеты, участвующие в реализации мегапроектов развития, нацеленных на обеспечение долговременных научно-технологических прорывов в интересах развития статусных в XXI веке отраслей промышленности. Это критически важно при решении глобальных вопросов развития, когда требуется обеспечить новое качество роста. В Уфимской декларации в этой связи было подчеркнуто «первостепенное значение высшего образования и научных исследований», отмечена прямая «взаимосвязь между инвестициями в образование, развитием человеческого капитала и приростом экономических показателей». Лидеры стран – участниц БРИКС приняли решение по учреждению Сетевого университета БРИКС (BRICS Network University) [10. С. 172–178], а также Лиги универси-

тетов БРИКС (ст. 63 Уфимской декларации), тем самым реализовав договоренности Саммита БРИКС в Бразилии (2014 г.) [11].

Успешность каждой из цивилизаций, представленных странами – участницами БРИКС, в конечном счете определяется более устойчивой положительной динамикой хозяйственного развития. Динамика хозяйственного развития (роста) цивилизации, как было показано, прямо определяется реализуемой в ней парадигмой социокода [13].

Парадигма социокода Я-МЫ является базовой для всех стран и цивилизаций БРИКС, а парадигма Я-Я – для стран Запада. В настоящий момент лидерство переходит от цивилизаций Я-Я к цивилизациям Я-МЫ. Неизбежная циклически детерминированная смена эпох уравнивает шансы западных и восточных цивилизаций на равный вклад в Мир глобализации.

В условиях сегодняшнего расширенного доступа к актуальной информации индивид, как и во времена исторического Средневековья, вновь начинает осознавать себя частью «более широкого универсума» (Арнольд Тойнби), ощущать вселенский характер общества. Это не что иное, как формирование внутренней установки людей на то, что они существуют в общем пространстве, в едином вселенском или глобальном мире. Это вновь эпоха торжества парадигмы Я-МЫ социокода развития мира, идущей на смену парадигме Я-Я (подр. см.: 13).

Традиционно парадигма Я-МЫ была свойственна как буддистскому Китаю, так и атеистическому СССР. Как и современный Китай, страны БРИКС реализуются в рамках светской модели развития, так и не завершив перехода к парадигме социокода «Я-Я». Если новым лидером мира станет Китай, то парадигма социокода «Я-МЫ» станет основой для новой социальной сборки мира, в котором глобально ориентированное сознание христианского Запада должно найти гармонию с менталитетом Срединной империи. Однако простое повторение цикла в условиях глобализации вряд ли возможно.

Как представляется, обе парадигмы социокода (Я-МЫ и Я-Я) должны измениться под воздействием глобализации, и, возможно, следствием этого станет синтез двух парадигм социокода развития мира. Можно предположить, что в этом случае у триады «парадигма социокода – тип власти – тип хозяйствования» появится требуемое логикой глобализации глобальное измерение. Власть в принципе может использовать политику и экономику в различных сочетаниях и тем самым корректировать динамику роста.

Когда доминантой глобального сообщества станет духовное производство и глобальное сознание, а стратегическим ресурсом цивилизации – креативная способность человека, как можно предположить, сформируется матрица сетевого взаимодействия на основе объединяющих человечество идей и норм поведения. Синтез политики и экономики возможен на основаниях морали и этики. Как представляется, объединительным началом мирового сообщества выступает именно нравственность. Диалог и партнерство цивилизаций Запада и Востока призваны содействовать использованию преиму-

ществ глобализации всеми народами и сократить пропасть между бедными и богатыми. Все народы мира должны ощутить себя одной семьей, в которой высшей ценностью является жизнь ради общего блага.

ЛИТЕРАТУРА

1. Попов А.К., Юртаев В.И. Глобализация: битва двух парадигм. – М.: ИНЭС, 2000.
2. Попов А.К., Юртаев В.И. Российский проект глобализации. // Актуальная Россия (вопросы экономической теории и практики): в 2 т. / под ред. Ю.М. Осипова, О.В. Иншакова, М.М. Гузева, Е.С. Зотовой. – М.; Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. – Т. 1. – С. 125–139.
3. Юртаев В.И. Особенности и реализация внешней политики Исламской Республики Иран (1979–2010 гг.). – М.: РУДН, 2012.
4. Дхаммапада. Стих 183.
5. Библия. Новый Завет. Евангелие от Матфея. Глава 22, стихи 37 и 39.
6. Салицкий А.И. БРИКС в условиях остановки глобализации с Запада // БРИКС: сотрудничество в целях развития: материалы IV Международной конференции / под ред. Г.Д. Толорая (гл. редактор), И.А. Айдрус, А.С. Филимоновой, В.И. Юртаева. – М.: РУДН, 2014. – С. 13–16.
7. Российский су-шерпа: БРИКС – это альянс реформаторов в международных отношениях. 30 марта 2015 г. – URL: <http://brics2015.ru/transcripts/20150330/29159-print.html>
8. The Strategy for BRICS Partnership.pdf. – P. 15–18. – URL: https://www.hse.ru/data/2015/07/09/1082902166/partnershipstrategy_eng.pdf; http://www.brics.mid.ru/bdomp/brics.nsf/Ufa_partnershipstrategy_rus.pdf
9. First BRICS Science, Technology and Innovation Ministerial meeting: Cape Town Declaration. 10 February 2014. – P. 3. – URL: <https://www.hse.ru/data/2014/08/05/1314135524/BRICS%20STI%20CAPE%20TOWN%20COMMUNIQUE%20OF%2010%20FEBRUARY%202014.pdf>
10. Подр. о Концепции Сетевого университета БРИКС см.: Концепция сетевого университета БРИКС / О.В. Андреева, С.В. Парфенова, Н.В. Сьюлькова, В.И. Юртаев при участии И.А. Айдрус, А.Ю. Борзовой, Н.С. Колесникова, Ю.Н. Мосейкина // БРИКС: сотрудничество в целях развития: материалы IV Международной научной конференции. Москва, 28 мая 2014 г. – М.: РУДН, 2014. – С. 172–178.
11. Форталезская декларация, п. 56 (Бразилия, 15 июля 2014 г.) // Sixth Summit: Fortaleza Declaration and Action Plan. – URL: <http://brics6.itamaraty.gov.br/category-english/21-documents/223-sixth-summit-declaration-and-action-plan>
12. Юртаев В.И. БРИКС: приоритеты для стратегии развития // БРИКС и Африка: сотрудничество в целях развития / III Международная конференция «БРИКС и Африка: сотрудничество в целях развития». Москва, 15 мая 2013 г. – М.: НКИ БРИКС; РУДН, 2013. – С. 17–25.
13. Юртаев В.И. Социокод и развитие мира // Метафизика, 2013. – № 2 (8). – С. 46–54.

SOCIAL IDENTITY OF EAST AND WEST AS A FOUNDATION FOR INTERREGIONAL INTEGRATION

O.V. Andreeva, V.I. Yurtaev

The article is devoted to the problem of forming a World of Globalization and discusses the features of the modern process of international integration in the framework of mono- and multi-polar projects of globalization, identifying their basic characteristics on the grounds: “the paradigm of the sociocode – the type of power – economic type”; synthesis of the policy and economy.

Key words: sociocode, I/I and I/We paradigms, Globalizing World, globalization, leadership of civilizations, type of power and management, synthesis, interregional integration.